

В основе работ Анн Паювяли лежат трехмерные рисунки и графика пространственных изображений, которые тонко, почти незаметно, меняют восприятие — уменьшая силу тяжести и искажая линейную перспективу.

Художница исследует предметы повседневного обихода, различные объекты, инструменты, прототипы, продукты, бесконечно комбинируя, комплектуя, классифицируя и архивируя рисунки из своего каталога. Паювяли как бы бессознательно следует KonMari, известному методу наведения порядка, описанному в книге японки Мари Кондо, один из принципов которого гласит: «Сортируйте объекты по их категории, а не по местоположению». При изменении расположения объектов на рисунках изменяется и их функция.

Паювяли очарована универсальной узнаваемостью форм и игрой на грани этой узнаваемости. Что же реально, а что — обман зрения, мираж, возникший по воле художника, играющего с линиями и пространством? Выполненные вручную линейно-пространственные иллюстрации-мануалы могут заявить о себе в трехмерном пространстве, чтобы потом снова отразиться на поверхности. В ее рисунках плоскостность имеет несколько измерений, и каждое созданное пространственное изображение имеет свои собственные ограничения и правила, диктуемые формой, а не законами физики. Так, например, мяч, брошенный в созданное ею линейное пространство, может не отскочить назад, а зависнуть в воздухе.

На создание представленной на Артишок биеннале работы «Через край, вокруг пруда» художницу, живущую в Ййсмяэ, вдохновила планировка этого Таллиннского района, где панельные дома образуют воображаемую рамку вокруг зеленой зоны и расположенного в ее центре пруда. Изображения на карте Ййсмяэ способны вдохновить на создание ориентальных цветочных картин и орнаментов в стиле ар-деко.

Здесь художница в характерной ей манере пытается повлиять на восприятие пространства через разные плоскости. Обрамление рисунка шириной 2,6 метра настоящим бетонным бордюрным камнем хорошо передает фиксированную логику защищенного стеклом линейно-пространственного мира художника и отчужденность от внешнего мира в барочном вестибюле замка Кадриорг.

Художник:

Paivöli

Текст:

Säde

В хрупких и воздушных инсталляциях Анны Мари Лийвранд сочетаются скульптура и рисунок. В своих работах она пытается через повседневные материалы и предметы исследовать приписываемые им тайные желания и страсти.

На Артишок биеннале художница исследует возможности копирования и воспроизводства присущих сувенирным лавкам Старого города Таллинна манер и тактик обольщения. Вручную нарисованный мотив ветви позже будет выкован и украшен коммерческим янтарем и финтифлюшками из светодиодных лампочек. Лампочки гаснут и зажигаются медленно, по словам художницы, как блуждающие огни, которые могут увести прохожих в сторону от их привычных траекторий.

Установленное в трех разных местах произведение копирует само себя. Сувенир пытается имитировать ручную работу и связанную с локацией аутентичность. Ковка и янтарь часто являются частью китчевого народного искусства, и сейчас эти материалы эксплуатируются благодаря туристической индустрии, развитой в сохранившейся со времен раннего средневековья части Таллинна. Хотя в Старом городе множество янтарных лавок, реальных залежей этого минерала в Эстонии нет. Сегодня ему, как и многим другим минералам, приписывают эзотерические функции — притягивать любовь, позитив, уверенность в себе и все остальное, что только может понадобиться. Однако художница не критикует сувенирную или эзотерическую индустрию как таковую, а пытается привлечь внимание к тому, насколько манипулятивны и относительны черты и качества, приписываемые материалу, и насколько они зависят от используемой системы координат.

На самом деле, не имея представления, как произведение будет работать в городском пространстве и глядя лишь на трехмерные рисунки, очень сложно представить, действительно ли творение художницы вызовет ассоциации, описанные выше, или оно сольется с рождественскими украшениями на фасадах домов.

Художник:

Текст:

Начнем с фактов. Типовой проект макетов «Белый город», представленный на Артишок биеннале, располагается на специально подготовленных для выставки столах. Размер обеих столешниц — 89 x 209 см, столы установлены на козлах высотой 77 см. 6 моделей изготовлены из крашеного дерева. Из 404 полос фанеры вырезано 1404 квадратных элемента. Количество элементов равно количеству окон в шести макетах. Прототипом здания стал 9-этажный панельный дом, который можно увидеть на фотографиях Казелаана, обрамляющих бетонные портреты кукол в инсталляции «Кукольная площадь» (2014). «Белый город» — это система отсчета «Кукольной площади», и одновременно ее дальнейшее развитие.

Если кукла обычно является уменьшенной копией человеческого существа, то куклы Казелаана имеют гигантские размеры, а макеты панельных домов, в свою очередь, уменьшены до размеров кукольного домика. Копирование, формальные приемы и игра с размерами — важная часть творчества скульптора. И хотя Казелаан утверждает, что сам рабочий процесс не имеет особого значения, он все же очень подробно описывает рутину распиловки кусков дерева как монотонную и ведущую к отчуждению работу на конвейере. Производство макетов домов вручную можно рассматривать как попытку привнести человеческое измерение в массовое производство — и ошибки и несовершенства как нечто неизбежное и необходимое для жизни.

Что останется от человечности, если запихнуть ее в коробку с окнами? Казелаана интересует здесь приемлемый баланс между человеческой душой и техническим прогрессом, отделкой и топорной грубостью. Он черпает вдохновение в «Апокалипсисе» Николая Батурина, где бездушный человек ничем не лучше бесчувственного робота, который всегда хладнокровен и для которого искусства больше не существует. Полет беспилотника — технологического достижения, которое используется правящей властью — через скопированный вручную пустой белый город, зримо передает отчуждение человека от созданной его же руками среды.

Художник:

Текст:

Я до сих пор помню то неопишное чувство, которое испытала впервые посетив веб-страницы aaaaarg.fail или ubi.web. Полный джекпот, золотая жила. Я скачала все тексты, которые показались мне интересными, и их было очень много. Моя первая встречей с открытым доступом к данным стала для меня абсолютным катарсисом. Большинство этих PDF-файлов до сих пор не открыты. Но эти файлы как бы дают мне разрешение быть частью информационного общества и свидетельствуют, что я знаю законы загрузки, что я знаю код.

Большая часть дня уходит на общение через компьютер или с самим компьютером, и я уже по горло сыта этим. Уверена ли я, что действительно не хочу установить это обновление? Я выбираю «Напомнить завтра». Это «завтра» длится уже довольно долго. Возможен ли вообще диалог между компьютерным алгоритмом и человеком? В последний раз, когда я меняла сгенерированное компьютером невыполнимое авиасоединение, я получила от алгоритма службы поддержки клиентов Finnair ответ следующего содержания: «К сожалению, я не могу ответить на ваш вопрос, но при первой же возможности я соединю вас со своим коллегой-человеком, который определенно сможет вам помочь». Я ответила «да» и стала ждать. Но коллега-человек так и не связался со мной, он, вероятно, уже спал, его телефон был в режиме полета, а компьютер выключен. Моя 93-летняя бабушка никогда не понимала, как работает интернет. «Это похоже на телеграмму, только без бумаги и гораздо быстрее», — было моей последней попыткой ей это объяснить. После этого каждый раз, когда она видела меня сидящей за компьютером, она с легкой усмешкой спрашивала: «Ну что, телеграмма еще не пришла?»

Пол — это лава под моими ногами, и я отскакиваю назад к компьютеру, к которому я прикована. Я не хочу больше кода, я хочу меньше кода. Меня не интересует, законно ли это, хватит ли тебе заряда батареек, насколько это личное, на каком оно языке, мета ли это. Если я не могу танцевать, то это не моя революция!

Художник:

Текст:

Säde

Йоханна Ульфсак — единственный известный мне художник, чьим основным средством самовыражения является ткацкий станок. Творчество Ульфсак эмоционально и самобытно, ее интересуют различные иерархии общества, хрупкость жизни, ее противоречия и юмор. Для художественной практики Йоханны важен длительный и медитативный рабочий процесс, который визуально проявляется в признаках ручной работы: неровности тканого полотна, ошибки и соединительные швы.

Работа «Мягкие копии», созданная для Артишок биеннале, является воображаемым продолжением работы «Старый шрам», изображающей сражающиеся за власть человеческие фигуры, нарисованные в наивном стиле на ткани, натянутой на больничные ширмы. Кто победит, а кто проиграет, кто останется, а кого прогонят?

«Мягкие копии» представляют собой два сотканых вручную и частично сметанных вместе полотна размером 9 x 1 м, натянутых между стойками волейбольной площадки. На этой тканой волейбольной сетке изображены огромные парящие в воздухе стилизованные и странные младенцы без пуповин.

В своем произведении Ульфсак попыталась поймать в сеть довольно много вызывающих противоречия тем: эмоциональный труд, приписываемый женщинам, дети как табуированная в современном искусстве тема, а также высказывания неоконсерваторов, связанные принуждением к репродукции и запретом аборт. Зная Йоханну, нельзя исключить и более фантастическую, антиутопическую интерпретацию ее произведения. Темы для размышления здесь может предложить сериал Ридли Скотта «Воспитанные волками», в котором внематочное размножение было перенесено на другую планету, а дети воспитывались искусственным интеллектом, чтобы обеспечить этим «человеческим копиям» защиту и укрытие от консервативных взглядов и религиозных войн.

Сеть не только отделяет высокое от низкого, нас от них, мягкое от жесткого, но и как бы сшивает в единое пространство популярный вид спорта с искусством элитарной биеннале и идеи принудительного размножения, которые навязываются консерваторами, с образами, почерпнутыми из научной фантастики. Остается надеяться, что созданная Ульфсак сеть будет функционировать в эстонском обществе как огромный ловец снов, который попытается поймать и погасить «спортивный интерес» сторонников партии EKRE к тому, чтобы решать за женщин, как им следует распоряжаться своим телом.

Текст:

Марк Лешелье изучал архитектуру и сейчас работает в основном в области скульптуры и перформанса на базе местной специфики. Он мечтает об архитектуре как дисциплине, которая находится в более непосредственном диалоге с искусством вместо общения с бюрократией и подчинения правилам. Лешелье хочет создать архитектуру без дизайна, свести архитектуру к скелету, чтобы понять ее компоненты и предоставить автономии строительному камню и связующему материалу. Бунтуя в своей практике против традиционной архитектуры и ее основных механизмов действия, он определяет свою деятельность как «непосредственное строительство» (direct construction) и «первобытную архитектуру». Однако, если отбросить все определения, данные творчеству самим художником, то создаваемые им структуры можно рассматривать как эстетический оммаж преимущественно бруталистской архитектуре и, в меньшей степени, арте повера.

Лешелье работает в трех основных категориях — уменьшенные модели, физические перформансы и прототипы в натуральную величину. Будь то возведение стены или каменной кладки как перформанс или публичные прототипы, конструкции из строительного камня порой похожи на руины и следы, оставшиеся после выполнения какого-то ритуала.

В презентации работ имеют важное значение документация произведений, манипулирование пропорциями и постобработка фото и видео.

На Артишок биеннале также сыграет большую роль в восприятии работы ее документация. Художник возведет свою спонтанную конструкцию в помещениях Эстонского музея современного искусства и, чтобы вплотную приблизиться к интересующему материалу, проникнуть ему практически «под кожу», задокументирует свою деятельность в стиле «непосредственной съемки» (direct cinema) с помощью камер GoPro. При этом камеры на «строительной площадке» станут такими же инструментами, как и другие, и будут экспонироваться на выставке в арт-центре Kai. То есть прикоснуться к этому т.н. непосредственному строительству мы сможем только посредством экрана.

Художник:

Текст:

#pieterjanguinckels #nobull #ongoing #escaperoute
#nobullartishokbiennale #mainsponsor #NBAdatacenter
#tallinn2020 #visitestonia #masterclass #macatallinn
#contemporaryart #studentsasperformers #T1mall #epicenter
#headquarters #basecamp #messingaroundwithurbanlab
#teslashowroom #speedtrip #flex #mask #markersoftoday #refined
#democraticatmosphere #mineyourhopesandfears
#duckfacedcaffeinatedculture #instancesofenergy #innovation
#globalculture #sustainability #getgoing #greendeal
#globalworries #giveitbacktotheworld #coworkingspaces
#thisisgreat #therewillbemiraclesifyoubelieve
#therewillbeenergydrinksforeveryone #successwillfollow
#endlessmerch #freelapsforfans #coolmerch #energyharvest
#thefutureisalreadyhereitsnotjustevenlydistributed #yet
#cashwithwings #copycat #batmanscene #surrendertothescene
#oncetheroleplayisover #oncethepartyisover #copiesofcopies
#designtillyoudie #messaround #aestheticsforeva #fanofaproblem
#fanofasituation #invincible #localfun #solarsafari
#lifewithoutobjections #surface #blogoshpere #endlessrender
#retromanicdepression #normcorecapitalist #hardcorecapitalist
#radicalsaturation #surroundtothesurface #ripoutthespine
#surrendertothe collective #enterGodmode #suspensionofbelief
#actorsinthesystem #beastieboys #pussyriot #davidbowie #prince
#becomeyourfears #conceptsturnintoalibis #ideafixes
#mirrortrends #capsulescapsule #identitypimp #identitybotox
#acceleration #projectrealisation #blogoshpereharbours #sadcoppy
#anticlimatictwin #fightfirewithfire #surfaceculture
#surfingthesurface #deepprobe #speedtripper #propopro
#architectureasperformance #pressureto perform #proveyourself
#dothings #goplaces #passionto perform #1805characters
#includinghashtags #becomethethingyoufearmost #followtheadvice
#wheredowegofromhere #nobullshit #exhaustionandexuberance

Удвожник:

Текст:

Säde

Архитектура часто ищет универсальные решения для создания идеального пространства. Однако идеальное пространство также нуждается в идеальном человеке, оно создано для под него и диктует действия, которые возможны только в этом пространстве.

Сийм Карро создал для Артишок биеннале алюминиевый многофункциональный куб, спроектированный по собственному размеру, который в сложенном виде можно использовать как предмет мебели, контейнер для хранения вещей, платформу для тренировок или для других возможных целей. Вопреки стандарту, он использует размеры своего собственного тела, но по-прежнему буквально загнан в угол в созданном собственными руками миниатюрном пространстве, размещенном в просторной новой застройке.

Видимо, Сийм Карро хочет своей работой привлечь внимание к противоречиям, присущим современной архитектуре. С одной стороны, современный дизайн движется в сторону мира «сделанного на заказ», т.е. при наличии ресурсов, ты можешь создать свою собственную систему единиц измерения в соответствии с размерами собственной стопы, длиной большого пальца и локтя. Но если ресурсов у тебя нет, придется довольствоваться меньшими объемами: мини-дом, контейнер, палатка или, как с долей иронии предлагает Карро, складной куб.

Каков же абсолютный минимум, необходимый человеку? Конечно, разгул коронавируса заставил нас всерьез задуматься над этим. Сегодня, когда наши дома стали для нас и рабочим местом и тренажерным залом, школой для детей и кружком по интересам — домашнее пространство должно быть преобразовано в складные и раскладные мини-помещения, которые позволили бы осуществлять все необходимые действия на площадях, ограниченных энным количеством квадратных метров.

И Сийм Карро не сдается. Въезжая в новую квартиру, он входит в нее через созданный им кубик. Выступая как самостоятельная единица измерения, он представляет замер себя как трудно поддающийся определению ритуал входа в новое помещение и, выполняя на своей минималистской платформе упражнения, призванные заменить физическую работу, как бы спрашивает нас, довольны ли мы занимаемым нами местом, своим кубом?

Художник:

Текст:

Кайза Сёэт и Койт Рандмяэ создают объекты и окружающую среду, они мечтают о более воодушевляющем общественном пространстве и среде обитания. Вдохновленные миром, который существует под столом, куда они отправлялись на днях рождения в своем детстве, они создают для Артишок биеннале игровую площадку «Настольная игра», которая объединяет разные поколения и их развлечения за многоуровневым столом и под ним.

Игровые площадки — это места, где встречаются творчество и контроль, искусство и архитектура. Они занимают чрезвычайно важное место в развитии детей, давая им возможность встречаться с другими детьми и практиковаться в свободе, хотя в наши дни это происходит в основном под бдительным оком родителей. «Настольная игра», установленная внутри песочницы, требует творческого подхода и выхода из привычной зоны комфорта как от детей, так и от родителей. Частичная перестановка иерархии предлагает отпрыскам укрытие от постоянной родительской заботы и надзора, а родителям — кратковременный отпуск от удовлетворения потребностей своего ребенка и возможность пообщаться с другими родителями.

Поверхность столешницы через абстрактные элементы, отверстия и другие соединения предлагает различные альтернативные возможности контакта между двумя мирами. Любое пространство осваивается через действия в нем, союз и изоляция на игровой площадке неразрывно связаны с характером игры и силой воображения. В рассказе «Спрятавшийся ребенок» («Улица с односторонним движением», стр. 36) Вальтер Беньямин с точностью описывает, как в детском воображении исчезают все противоречия и стираются границы: «Ребенок, стоящий за занавеской, сам становится чем-то колеблющимся и белым, становится призраком. Обеденный стол, под которым он затаился, превращает его в деревянного идола в храме, где резные ножки — это колонны».

Но как избежать потенциального риска того, что родители будут сидеть за столом с ноутбуком, выполняя обычную для своего домашнего офиса работу, а дети усядутся за свой столик и будут имитировать эту же ситуацию?

Художник:

Текст:

Начнем с шутки. Какой юбилей был в 1974-м году? Ответ: 50 лет без Ленина.

Художники Анн Мирьям Вайкла и Шимон Кула в своем произведении «Монумент (Р)еволюции», представленном на Артишок биеннале, рассматривают реликты советской эпохи, в частности памятники Ленину. Памятники напоминают художникам загадочные объекты, которые обладали странной притягательностью в обществе, в котором сами художники никогда не жили.

Художник и художница, которые родились в 90-е годы, считают, что их поколению не хватает объединяющей коллективной памяти по отношению к памятникам Ленина, и что в постсоциалистических странах прошлое не связано с современностью или подготовкой к настоящему. Желая сделать прошлое более доступным для своего поколения, они создают памятник в виде основанного на интернет-эстетике движущегося изображения — гибрид валуна и Ленина.

По мнению Анн Мирьям и Шимона, монолит — это образ, который может лучше всего передать вакуум и пустоту, соответствующие уровню знаний поколения интернета по этой теме. Техническая реализация их идеи воплощена в другом реликте — их вдохновил детский календарь с движущейся картинкой — общая память из прошлого молодых художников из Восточной Европы.

В рамках акции в ходе Артишок биеннале на Площади Исландии будет установлен напечатанный на 3D-принтере плакат размером 1,2 x 3,6 м. Но какое послание может передать в публичное пространство это 10-15-минутное действие — быстрая вспышка изображения Ленина на валуне? Может быть, то, что происходит в физическом пространстве, уже далеко не единственный слой нашей реальности? Что зрительная память, получающая информацию только с экрана, искажена? Что у стрим-общества не может быть общего прошлого или будущего, устойчивости и преемственности? Трудно сказать, не видя самого действия, но завершу свой рассказ еще одной шуткой. Почему фабрика Tegur начала выпускать резиновые фигурки Ленина? Ответ: чтобы каждый мог надуть для себя Ленина любого желаемого размера.

Художник:

Текст: